

УДК 1(476)(091)

В.В. СТАРОСТЕНКО

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИИ И СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ПОЛЕМИКЕ ВОКРУГ БРЕСТСКОЙ УНИИ

На рубеже XVI – XVII столетий общественное бытие и самосознание белорусского народа претерпевают значительные изменения. Активизация Контрреформации, конфликтность введения Брестской церковной унии актуализировали проблему сохранения национальной идентичности, культурно-религиозного суверенитета, прав и свобод белорусского и украинского этносов в составе Речи Посполитой. Религиозно-политическая борьба, охватившая широкие слои общества, обострила национально-патриотические чувства, способствовала пробуждению

исторической памяти, гражданско-правового и конфессионального самосознания. Идеологическое противостояние, духовные искания в этот период отечественной истории получили наиболее яркое отражение в полемической публицистике, где поднимались животрепещущие, актуальнейшие проблемы религиозно-церковной, национально-культурной, общественно-политической жизни общества, народа, человека.

Одним из центральных предметов полемики являлась проблема унии, посредством которой выражалось отношение к религиозному самоопределению и значению свободы совести.

Первая попытка обоснования идеи "церковной едности" была предпринята иезуитом П.Скаргой. В работе последнего "О единстве церкви Божьей" и других публикациях католических и униатских авторов уния рассматривалась как средство достижения "згоды", религиозного и гражданского мира в стране, способ упрочить политическое единство Речи Посполитой. Данные идеи рельефно выражены в сочинениях И.Потей. Считая унию главной общенациональной и общегосударственной задачей, Потей оправдывал использование любых методов для её реализации, не исключая прямого насилия. "Помогите мне своею властью, – обращался он к канцлеру Сапеге, – и увидите, что я их так усмирю, что и другие побоятся, так как милостью мы ничего не поделаем с этим скотом" [8, с. 74]. Весьма показательно отношение Потей к Варшавской конфедерации. Акт Варшавской конфедерации 1573 г. сыграл роль манифеста религиозной терпимости. Закрепленный в Статуте Великого княжества Литовского (ВКЛ) 1588 г., он провозглашал правовое равенство христианских конфессий, содействовал сохранению в поликонфессиональном обществе ВКЛ и Речи Посполитой гражданского мира и согласия. Идеологи униатства, напротив, видели в нем преграду для достижения главной религиозно-политической цели – создания в стране единой католической общности. Отстаивая идею превосходства католицизма над прочими вероисповеданиями, Петр Скарга утверждал: "Где нет согласия на почве веры и божьих дел, там его не может быть и в делах светских и политике". В работе "Процесс против конфедерации", он называет Варшавский акт 1573 г. "диким, адским, волчьим, тиранским правом". "Злой" и "проклятой" определял Варшавскую конфедерацию Потей [11, с. 665-853, др.].

Обычной практикой в ходе унизации общества стали отлучение от церкви, преследование православных братств, угрозы, лишение сана и даже физическая расправа с православными священнослужителями, "наезды" на церкви и захват храмового имущества, закрытие и передача униатам православных церквей, школ и т. п., что закономерно вызвало возмущение и сопротивление делу унии со стороны значительной части общества.

Идеологи православия категорически отказывались от подобного рода "святой згоды". Особое внимание они уделяли Брестской церковной унии. Громкое общественное звучание получило вышедшее в 1596 г. "Казанне святого Кирилла патриархи Иерусалимского..." С.Зизания. В произведении обосновывалась идея о римском первосвященнике как Антихристе. Слугами "князя мира сего" объявлялось католическое духовенство и отступившие от православия епископы-униаты, которые "квалтом всех за собой тягнучи" [6, с. 1-10]. Потворство унии рассматривалось как служение сатане. Эти идеи стали атрибутом многих последующих антиуниатских сочинений, получили распространение в фольклоре.

Подобной позиции придерживался Клирик Острожский. В "Отписе на лист... отца Ипатиа" он утверждал, что не всякое согласие заслуживает почтения, "не в кождой згоде кохается Бог". Уния для него – происки сатанинских сил ("сеть диаволю"), "мешаная колотливая згода", "помешанье сумненья и веры". Автор пишет:

“Якого есте преследованья, якого уруганья... якого оплеванья, якого замешанья и затрясненя, якого на остаток кровопролийства, мужобойства, забийства, тиранства... нахоженья квалтов на домаы, на школы, на церкви... наполнили и наброили!”, “Переступили есте отеческие границы, ... взгордили есте их веру, поганьбили есте их честные и святые sprawy...”. Для Клирика важно не утратить преемственной связи времен, сохранить историческую память, немислимую без “веры прародительной своеи”, поскольку “что от отцов приняли, то бысмо и сыном ради зоставити” [11, с. 386-413].

Одной из важнейших ценностей отечественной общественной жизни многие антиуниатские мыслители-полемисты считали религиозную терпимость. Автор “Апокрисиса” Х.Филалет убежден, что “в вере никому не треба квалту чинити”, “ничого не есть так добровольного, як набоженство и вера”. Защищая идею толерантности и свободы религии, полемист отмечал, говоря о епископах-униатах: “веры им отменяти не боронимо. Нехай... будут папешниками; але не нам, а толко себе! Нас до... зверхности своей нехай не приводят и не примушают!”. Он не отвергает права владык на переход в другую веру, считая такой шаг личным делом, велением собственной совести. Но их претензии на совесть паствы, принуждение к перемене веры рассматривает как нарушение гражданского и божьего права. Великим благом Филалет считал религиозную свободу, закрепленную в Речи Посполитой законодательством и достигнутую без “долгого кровопролития из-за религии”. Веротерпимость, по его мнению, залог общественного согласия и мира: “любовь, дружность, домашнее согласие всегда более, чем какие-либо стены или замки, держали... эту корону в... целости... великой славе и грозном для соседей могуществе...”.

В свете концепции веротерпимости Филалет рассматривает сложившуюся после 1596 г. ситуацию в стране. Патриоту Речи Посполитой, раздираемой внутренней, религиозной враждой, больно “отчизну... умотаную видети”. “Ныне, – пишет он, – повинных в всех створяют, писанием же и властью попирают Веру”. Взгляды полемиста созвучны скорининской идее “згоды” и “незгоды”. Полемизируя с Потеем, Филалет утверждал, что не всякая “згода” создает общественное благо, а лишь та, которая основана на доброй воле. Насильственно вводимая уния, политика преследований за религиозные убеждения являются нарушением “старожитной згоды и милости”, причиной “мятежей и междусобий”, которыми “обессиливают себя взаимно обыватели Речи Посполитой”, что ведет “до крушения... корабль Речи Посполитой”. Филалета возмущает попрание как “неписаного”, так и “писаного” права ВКЛ и Речи Посполитой, гарантировавшего “волность и твралость релеи Греческой”. Он предостерегает: “Берегитесь, чтобы сквось ту брешь, которая пробивается в наших правах, не ускользнули все свободы и ваших милостей”. Стремление Филалета сохранить целостность страны, гражданский мир – свидетельство его патриотизма и зрелой гражданственности. Писатель полагал: нельзя допустить, “чтобы с религией погигло и отечество”. Православие для Филалета – духовный фундамент народа, наследие, “продком нашим поданое”. Уния же – “продком квалт, а квалт праве юж незносный”, оскорбление “нас Греческой релеи людей”. Сопротивление унии тождественно сохранению человеческого и национального достоинства: “мы люди, а не скоты и, по милости божьей, люди свободные, вымочь у которых что-либо силой и принуждением – напрасная надежда”. Стронник законности и ненасилия, Филалет надеется на поддержку магнатов, предки которых “неколи греческой релеи были”, в деле защиты “грецкого набоженства” “от всякого квалту” [10, с. 1008-1732; 12, с. 40-42].

Под псевдонимом Филалета в защиту православия выступил, как полагают многие исследователи, близкий к протестантизму М.Броневский, что не является

случайным. Идея политического союза с протестантами была чрезвычайно популярна, в частности, в окружении православного магната К.Острожского, одного из лидеров православного лагеря. В обстановке общей угрозы, исходящей со стороны Контрреформации, конфессиональные разногласия были отодвинуты на второй план. В послании Виленского православного братства протестантам (1599 г.) прямо говорилось: “до зуполное обороны слушне бы нам жадати панов евангеликов”. Известный своей непримиримостью к инаковерующим униатский епископ И.Кунцевич с нескрываемым раздражением отмечал в одном из писем Л.Сапере, что “еретики та схизматики, змовившись, заприсяглися боронити один одного”. Показательно, что некоторые православные полемисты настолько высоко оценивали союз с протестантами, что усматривали в нем реализацию божьей воли. “Виленское братство, – по убеждению “Перестроги”, – в купе зостало, маючи при себе геретиков, которых им Господь Бог заступцами дал” [1, с. 215]. В 1599 г. была заключена Виленская конфедерация шляхты “греческого” и “евангелического” исповедания, подписанная самыми знатными православными и протестантскими феодалами. В принятом Акте выражалась глубокая тревога в связи с забвением в Речи Посполитой интересов “общего блага”, нарушением принципа “одинаковой и равной свободы” с “людьми римского исповедания”. Заявлялось о необходимости строгого соблюдения норм Варшавской конфедерации 1573 г. как залога сохранения в стране “внутреннего согласия, любви, доверенности и общего покоя”, который “предками нашими и нами установлен” [17, с. 20-21]. Дружественные межконфессиональные отношения православных и протестантов внедряли в сознание общества идею сотрудничества христиан на основе добровольности и взаимотерпимости.

Разрушительницей гражданского мира, причиной “великого неупокоя и замешанья” считал унию автор “Перестроги”: “... все злое оттоль пошло и конца еще не маеть”. Как и другие авторы, он рассматривал унию средством дискриминации православных русинов, происками Сатаны, отступничеством от Бога. Соглашаясь с князем Острожским, полемист полагает, что свобода религиозного выбора является важнейшим условием сохранения общественного согласия. Уния в этом контексте рассматривается как реальная угроза “згубы всею короны Польское... бо за тым ниhto своего права, ани вольности безпечен уже не будет, и в коротком часе придет до великого замешанья”. Защита православия тождественна борьбе за свободу, достоинство и честь народа: “За веру православную наступаешь на права наше, ломаешь вольности наше, и наконец на сумненье наше налегаешь...” [1, с. 210-219].

Яркая и колоритная картина подавления религиозной свободы в Речи Посполитой, “нелитостивой... бествячейся унитской схизмы” создана М.Смотрицким. Автор убежден, что никакими доводами нельзя оправдать “угнетения, насилия, гонений, тюремных пыток, издевательств и других жестокостей над ни в чем не повинными людьми”. Он провозглашает заботу о сохранении религиозной свободы одной из основных обязанностей государства. “Всякое государственное благополучие, – считает Смотрицкий, – зависит от внутреннего мира в нем” и “ничто не приводит королевство к быстрейшему упадку и уничтожению, чем наступление на веру”. Следует отметить, что, обличая униатскую политику правительства, Смотрицкий, как и многие другие полемисты, оставался патриотом Речи Посполитой. Он полагал, что уважение к закону в состоянии восстановить гражданский мир в обществе, прекратить национально-религиозную вражду. Апеллируя к давним привилегиям “русского народа” и православной церкви, Смотрицкий доказывает, что “русские” (т.е. белорусы и украинцы), литовцы и поляки соединены в едином государстве – Речи Посполитой – на основе признания их равенства и уважения вероисповедных прав. Вторя Диогену (“нелегко найти однажды утраченную

свободу”) и другим философам, полемист трактует духовную свободу как важнейшее и неотъемлемое право человека: “Что может быть тяжелее и нестерпимее в человеческой жизни, чем неволя?”; “если в вере невольники, то в чем же можно быть вольными?” Опасность унии Смотрицкий видел и в том, что она ведет к расколу общества, грозит самому существованию белорусов и украинцев как этноса. Религия рассматривается полемистом важнейшим духовным атрибутом народности. Он убежден, что “русская вера” “не может быть уничтожена раньше, чем будет уничтожен русский народ”. Попытка “изменить веру русского народа, – заключает автор, – является стремлением уничтожить русский народ”, а значит “истребить немалую часть нашей отчизны” [2, с. 514-529; 7, с. 178-185, др.].

С позиций конфессиональных, национальных и общегражданских интересов анализирует унию и Л.Древинский. В сеймовой речи 1620 г. он связывает “великия и неслыханныя притеснения” православных с угрозой “общему Республики благу”. Обосновывая необходимость религиозного “успокоения” и признания прав “греческой веры”, Древинский утверждает, что без “внутреннего покоя в доме своем” не стоит надеяться на лояльность “народа Греко-Российскаго исповедания” [4, с. 69-71].

Уния, по выражению А. Мужиловского, – “шаленство, албо отступлене розуму”. Отвергая заявления оппонентов о воскрешении древней “згоды”, он утверждает, что “не такая едність по всим свете трвала, якуетесь вы склетили: не противна была собором святым...”. Брестское соглашение полемист рассматривает как “самоуправство” нескольких особ, которые пожелали “быть в единстве с западным костелом” ради собственной корысти и пренебрегли интересами всей “Руси”, общего блага [2, с. 272-276, др.].

Аналогичные оценки унии содержит “Палинодия” З.Копыстенского. Уния трактуется автором как происки Сатаны, “шкодливе розерванье”, “обридлиа апостасия и турбация”, “шаленство и невзгода”, дань “папезови”. Уния не “едність”, а отступничество от веры, “штохми с початку уверили”. Православие для автора – традиционное вероисповедание белорусского и украинского народов, источник “стародавних отцовских звичаев и канонов”. Полемист согласен с утверждением современника (Я.Г. Щенского), что уния ведет к тому, чтобы “Руси не было в Руси” [9, с. 957]. Он верит в силы народа, противоборствующего унии, и призывает его “моцно” держаться “в своей православной вере”. По мнению многих исследователей, защита православия для Копыстенского и других публицистов являясь формой сопротивления католической агрессии, борьбой за национальные интересы, религиозную свободу, традиции, вероисповедный суверенитет. Уния содержит угрозу гражданскому обществу, поскольку “два народы, здавна в панстве пристойно злучены, вадят”, что неизбежно “до войны кровавой” приводит. Неоднократно автор напоминает о традиции веротерпимости у “Россов” [9, с. 503-1111].

Усиливающиеся религиозные гонения, возрастающую нетерпимость в обществе некоторые православные писатели связывали с приближением конца света. В “Ляменте у света убогих на жалосное преставление... отца Леонтия Карповича...” говорилось: “Знаком валки внутрии, постронных погрозки, знаком полон, вязеня, кайдалы, поврозки, которми не только христиан погане, леч, што тяжша, свои своих, христиан христиане (...) Домовый неснаски, ненависть терпети от своего своему, близкий конец, дети” [15, с. 159].

Проблема унии затрагивалась в некоторых предисловиях к богослужебным книгам и летописях. В посвящении изданного в 1611 г. Нового завета монахи Виленского братского монастыря восхваляли Б.Огинского за то, что он поддерживает “веру святую” в период “бед и тежаров” [14, с. 57-58]. Антиуниатским пафосом наполнено обращение к Л.Древинскому авторов “Полустава, или Требника”

(Вильно, 1622), предостерегавших читателей от того, чтобы "ново уклеченую згду принять, а ока православия позбыти... разорвавши церков божую" [14, с. 81]. Автор "Хроники Литовской и Жмойтской" (сер. XVII в.) писал, что "...уניה и по сей день межи правоверными колотне и ростирки церкви божой чинят" [13, с. 85].

Автору Баркулабовской летописи свойственно неприятие всего того, что нарушает общественное согласие и мирную жизнь страны, не согласуется с традициями религиозной толерантности. Восхваляется Стефан Баторий, при котором сохранялась относительная веротерпимость: "... был человек побожный, рыцарский, военный, щасливый, правдивый, правый" [13, с. 175]. Летописец отрицательно относится к государственной политике Жигимонта III, при котором "показалось отщепенство и великое гонение у святой вере на церкви Христовы", на православие; осуждает феодалов, изменивших национально-религиозным традициям своего народа. Значительная часть летописи посвящена Брестскому церковному собору. Уния, считает автор, "великое и немилостивое замешане у вере от римлян на святую веру восточную греческую". Летописец примыкал к тем полемистам и общественным деятелям (К.К. Острожский, Клирик Острожский, З. Копыстенский, Х. Филалет и др.), которые, отвергая церковный сепаратизм, не выступали против идеи унии как таковой. Они мыслили ее крупномасштабным экуменическим актом, соединением Восточной и Западной церквей при взаимных уступках, отказе католицизма от идеи собственной исключительности, уважении традиций, национально-культурной и религиозной самобытности, достоинств "Руси".

Автор Баркулабовской летописи апеллирует к праву, ссылается на сеймовые депутатские заявления, Варшавскую конфедерацию 1573 г. Ситуацию после 1596 г. он оценивает как "турбоване Речи Посполитой", попрание "прав волностей наших", предостерегает "абы далее до крови ... не пришло". Суждения и оценки историографа характеризуют его как сторонника идеи общественного согласия и веротерпимости, поборника национально-культурных и религиозных традиций православной "Руси". Автор с уважением относится к менталитету других народов. Повествуя о Смутном времени в России, он неодобрительно отзывается о Лжедмитрии I и его окружении, которое пренебрегало религиозными чувствами москвичей, "з русских церковей великое насмевань чинили" [13, с. 175-191].

Идея гражданского мира и согласия находила поддержку у трезвомыслящих политиков римо-католического вероисповедания. Широкою известность в обществе имело высказывание польского канцлера Я. Замойского: "если бы возможно было то, чтобы все сделались папистами, я бы отдал половину моей жизни... но если кто будет делать вам насилие, отдам для вас всю мою жизнь, чтоб только не быть свидетелем этого принуждения" [16, с. 71].

Идея религиозной свободы ярко выражена в сочинениях шляхтича-католика Яна Щенсного. Претворение в жизнь унии он мыслил "мирным и договорным путем". В послании папе Павлу V от 5 сентября 1616 г. Щенсный писал, что Польша обязана своим благом "рассудительности наших предков и нас самих" [5, с. 208-209]. Солидаризируясь с высказыванием Я. Замойского, мыслитель в сеймовой речи 1610 (? 1613) года от имени "честных шляхтичей" заявлял, что римо-католическая вера "несомненно самая ... истинная..., но если хотят ... принудить к ней насилием, то мы жизни не пожалеем, чтобы этого не случилось". Цель "святого единения" не может быть достигнута насилием: "С помощью гайдуков отбивать церкви, пугать позовами в трибуналы, преследовать попов, изгонять черниц, — это не согласуется с волею и учением Спасителя нашего". Щенсный призывал остановить насильственную унификацию общества, мотивируя это тем, что она

провоцирует межрелигиозные и межнациональные военные конфликты в Речи Посполитой, угрожает существованию государства, разрушает союз "с нашими единокровными братьями – русским народом", является политически недальновидным, противоправным делом. Свободы и вольности православной "Руси" освящены древним обычаем, они должны соблюдаться в той же мере, что и права польского народа. Обосновывая идею правового общества, мыслитель напрямую связывал сохранение и процветание родины с жизнью в соответствии с законом [16, с. 70-75].

Один из инициаторов унии – канцлер ВКЛ Л.Сапега придавал особое значение строгому соблюдению законности и принципа добровольности при проведении унизации. В письме к И.Кунцевичу от 12 марта 1622 г. он решительно осудил религиозное насилие, которое практиковал униатский архиепископ по отношению к православным: "сам Господь Бог... не принимает слуг, которых ему доставляют путем принуждения и насилия". В религиозном фанатизме Сапега усматривал причину "внутренних распрей, домашних раздоров", представляющих огромную опасность для общества и государства, общего блага Речи Посполитой. По убеждению мыслителя, "... все, что не согласуется с миром и общественной пользой, может смело рассматриваться как преступление" [12, с. 76-79]. В письме к униатскому митрополиту И.Рутскому от 9 февраля 1621 г. Сапега советовал митрополиту держать полоцкого владыку "на вожжах", поскольку тот "слишком жестоко начал поступать..., и очень надоед и омерзед народу, как в Полоцке, так и везде" [3, с. 30-31]. Слова Сапеги "каждый сам является причиной своего несчастья (...). Творить зло – значит искать собственной погибели" [12, с. 78] оказались пророческими. Кунцевич был растерзан толпой во время Витебского восстания 1623 г., в котором приняли участие не только местные, но и полоцкие, оршанские и могилевские горожане.

Таким образом, содержание конфессионально-правового самосознания рассматриваемого времени обусловлено резким обострением религиозной борьбы в связи с активизацией Контрреформации и насильственным введением Брестской церковной унии. Общественное сознание проникается духом конфронтации. Существенно возрастает значение вероисповедного фактора. Во взглядах полемистов проявляется стремление глубже понять свою историю, религиозные и правовые традиции, место в сообществе европейских народов. Узловым моментом и формой выражения общественных исканий стала дискуссия вокруг Брестской унии. Теоретически уния содержала позитивную идею примирения и духовно-культурного сближения Востока и Запада, но ее форсированное, насильственное введение встретило решительное противодействие у значительной части православного сообщества, привело к общественным потрясениям, расколу народа по этно-конфессиональному признаку. Процесс этот получил яркое отражение в произведениях антиуниатских полемистов, общественно-философской мысли. Защита православия связывалась с борьбой за национально-культурную свободу, достоинство "Руси". Концепцию религиозной свободы, выработанную отечественной ренессансно-гуманистической мыслью XVI в., обосновывали и патриотически настроенные, трезво мыслящие публицисты и общественные деятели католического вероисповедания. Они также пытались предотвратить растущую национально-религиозную конфликтность в обществе, в которой усматривали угрозу распада государства. Идея гражданского и религиозного согласия была теснейшим образом связана с гуманистическими требованиями политического равенства народов и конфессий Речи Посполитой, правового регулирования общественных процессов, ненасильственного решения вопросов духовной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. – СПб. – Т. 4.
2. Архив Юго-Западной России. – Киев, 1887. – Ч. 1. – Т. 7.
3. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. – Вильна, 1867. – Т. 2.
4. **Бантыш-Каменский Н.** Историческое известие о возникшей в Польше унии. – М., 1805.
5. Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватікану та унії (X – початок XVII ст.): Зб. док. і матеріалів. – Київ, 1988.
6. **Зизаний С.** Казанне святого Кирилла патріархи Іерусалимського о антихристе і знаках его. – Вильна, 1596.
7. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избранные произведения XVI – начала XIX в. – Мн., 1962.
8. Литовские епархиальные ведомости за 1893 год. – Вильна, 1895.
9. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб., 1878. – Кн. 1.
10. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб., 1882. – Кн. 2.
11. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб., 1903. – Кн. 3.
12. Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. – Мн., 1991.
13. Полное собрание русских летописей. – М., 1975. – Т. 32.
14. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны. – Мн, 1991.
15. **Саверчанка І.В.** Старажытная паззія Беларусі: XVI – першая палова XVII ст. – Мн., 1992. – Дадатак. – С. 149-250.
16. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. – Вильна, 1865. – Вып. 1.
17. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. – Вильна, 1866. – Вып. 2.

SUMMARY

The emergence of the conception of the religious freedom in the context of Belorussian religious situation in the late 16th – early 17th centuries is under consideration. The grounding of the ideas of the religious freedom in the polemics about the Brest Church Union is shown in the article.